

УДК: 82.512.1–131

Л. Х. Мухаметзянова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

Взаимовлияние устных и книжных традиций в эпосе сибирских татар

На материале татароязычного дастана на сюжет о Тахире и Зухре автор анализирует процессы жанровой инерции и трансформации, рассматривает влияние тюркского эпоса и письменной культуры на формирование и развитие эпоса сибирских татар. Автор отмечает два источника сибирско-татарского варианта «Тахира и Зухры» – это традиции устно бытовавшего эпоса, а также литературно-письменные эпические традиции татар Поволжья. На основе общности основного сюжета, интерпретации мотивов и пр. делается вывод о том, что вариант дастана, записанный В.Радловым у сибирских татар, следует отнести в один типологический ряд с другими татарскими дастанами о Тахире и Зухре.

Ключевые слова: традиционный эпос, книжная разновидность, дастан, народ, сибирские татары, вариант, сюжет.

Татары являются одним из самых дисперсно расселенных народов. Постоянная миграция привела к увеличению мест компактного проживания татарского населения в России и мире. Территориальная, географическая разобщенность народа способствовала историческому формированию и развитию у разных этнических групп, проживающих на разных территориях, тех или иных культурных традиций. Этот многовековой процесс хорошо прослеживается и на примере развития эпоса. В то время, когда татары Поволжья отдали предпочтение книжной разновидности, сибирские татары сказывали устные дастаны. Это неопровержимый факт, представляющий эпос в различных его разновидностях у одного и того же народа.

Полнокровное дастанное творчество устного вида характеризуется синтезом музыкального исполнения, выступления сказителя и воспринимающей эпос аудитории. Текст, являющийся результатом именно такого творчества, в фольклористике оценивается как первичный «живой» вербальный текст, основанный на сугубо традиционных методах народных эпос-дастанов. В отличие от «живого» [Кузьмина, 2012, с. 112–116] устно-музыкального, т. е. традиционного эпоса эпические памятники, относящиеся к книжной разновидности эпоса, не исполнялись сказителями или певцами-импровизаторами в полном объеме перед народом и не были записаны кем-либо как устные сказания, хотя поддерживали разносторонние связи с фольклором.

Богатой на первичные вербальные тексты территорией, где живут татары, можно назвать Сибирь. Эпос сибирских татар в общем плане, бесспорно, – достаточно богатое, в полном смысле слова синкретическое устное творчество. Татарский народ гордится устно бытовавшими и зафиксированными

Мухаметзянова Лилия Хатиповна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Контактная информация: ул. Карла Маркса, д. 12, г. Казань, 420111, Республика Татарстан, Российская Федерация. E-mail: lilmuhat@mail.ru; тел. (моб.): 8-951-893-11-90.

из уст сибирско-татарских сказителей дастанами, такими как «Алпамыш», «Кузы-Курпяч и Баян-сылу», «Йиртюшлек», отдельными устными вариантами дастана «Идегей» и др.

Сюжет о Тахире и Зухре уже со средних веков вызывал восторг тюркских народов. Известны узбекская версия, четыре уйгурских, балкарская, свыше двадцати азербайджанских, несколько турецких, казахская, туркменская, а также тексты, найденные на территории Башкортостана.

Как известно, среди татар этот дастан на протяжении нескольких веков бытовал на территории Поволжья и сибирских просторах. В фольклоре «вариантность и инвариантность являются одними из интереснейших свойств» не только паремий, как правильно отмечает Н.Р. Ойноткинова [2012, с. 57], но также и дастанного эпоса. На сегодня известны свыше десяти вариантов татарской версии дастана. Рукописи данного наследия, а также отголоски устных сказаний на этот сюжет и сегодня встречаются на территориях проживания татар. Рукописи хранятся в научных центрах Казани, больше всего их в фонде Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹.

В тюркской литературе и фольклоре дастан неплохо изучен. Отдельным вариантам татарской версии дастана уделено внимание такими учеными, как Х. Хисматуллин (1965), Ф. Урманчеев (1984), Ф. Ахметова (1984), М. Ахметзянов (2000), Ф. Яхин (2000), Р. Исламов (2005), Л. Мухаметзянова (2015) и др.

У дастана «Тахир и Зухра» множество вариантов – как «авторских», так и «неавторских». Художественно-эстетическая особенность каждого отдельно взятого текста зависит от уровня присутствия фольклорных и литературно-письменных начал.

Помимо таких объемных вариантов дастана, как вариант Саяди [Сайади, 1998, с. 22–192] и Курмаши [Татар халык ижаты, 1984, с. 206–247], существует немало и других. По объему и по содержанию они достаточно сильно отличаются друг от друга.

Остановимся подробнее на тексте, изданном в 1872 году в Санкт-Петербурге В. Радловым [Тайыр менән Сәүрә, 1872, с. 274–286]. Ученый это произведение записал у сибирских татар. Дастан имеет большой объем, повествуется на диалекте сибирских татар. Восточный диалект татарского языка нашел отражение и в названии произведения: дастан называется «Тайыр и Саура». Имя информанта не обозначено, поэтому его условно принято называть вариантом Радлова.

Сюжет дастана в основном народно-традиционный. Текст начинается в духе восточных лиро-эпических произведений. Делается краткое сообщение о двух ханах Ал-хане и Кюль-хане. Во время охоты они увидели взбегающую на гору зайчиху. Зайчиха оказалась беременной. Старший из ханов – Кюль-хан, вспомнив оставшуюся дома беременную жену, не стал стрелять в зайчиху. Ал-хан также, согласившись с Кюль-ханом, стрелять не стал. Оказалось, что и у Ал-хана жена беременна. Эти эпизоды позволяют выяснить, к какому эпическому произведению примыкает вариант В. Радлова. Это, несомненно, более древний дастан «Кузы-Курпяч и Баян-сылу» [Татар халык ижаты, 1984, с. 146–151]. В вариантах «Кузы-Курпяч и Баян-сылу» и «Тахир и Зухра» даже имена ханов созвучны: Ак-хан и Кара-хан в «Кузы-Курпяч...» также идут на охоту, оставив дома своих беременных жен.

В варианте Радлова родители девушки и юноши – оба ханы. У Ал-хана рождается сын, у Кюль-хана – дочь. Если в варианте Курмаши оба отца решают породниться потому, что об этом им сообщено заранее, то здесь отцам никто не дает никакого совета, и они по своей воле принимают такое решение. В то же время в сюжет не привносится ничего нового: нежелание отдавать девушку за юношу рождается и здесь. Но противоречие в варианте Радлова заметно отличается от противоречий у Саяди и Курмаши. Для этого в произведении появляются своеобразные эпизоды. По дороге с охоты отец Тахира Ал-хан падает с лошади и погибает. Для того чтобы не отдавать дочь за сироту, Кюль-хан переезжает в другой город.

Таким образом, как это характерно для фольклорного произведения, здесь нет стремления подчеркнуть социальный смысл. Этот и другие эпизоды в составе сюжета свидетельствуют о том, что в вариантах Саяди и Курмаши взяли верх литературно-письменные традиции, а в записанном у сибирских татар варианте доминирует фольклор. В варианте Радлова события и далее продолжаются в народно-типическом направлении: еще во многих эпизодах пересекаются с дастаном «Кузы Курпяч...».

В варианте Радлова некоторые события настолько подробно излагаются, что в плане событийного развития и образности народный дастан начинает походить на литературное произведение. Например, сделав такой сундук, что «если сядет, голова не заденет крышку, а ляжет – ноги не

---

¹ Фонд Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, коллекция 39, ед. хр. № 4896, 1861, 2811, 2016; ф. 41. оп. 1, ед. хр. № 6, 63 и др.

упрутся в стенку сундука, изнутри серебряный, снаружи золотой, изнутри закрывается на замок и вода не заходит (перевод наш. – Л. М.)» [Тайыр менэн Сәүрә, 1872, с. 280]. Тахира сплавляют в нем по воде, и др. В описании сундука чувствуется влияние литературного источника. Мотив сплавления по воде в сундуке – сюжет, восходящий к эпическим традициям цивилизаций, проживавших еще до нашей эры. Сплавление Тахира по воде в сундуке, будучи мотивом встречи с другим миром, восходит к мифологическому мировоззрению и к письменным памятникам древнего Египта. Наличие этого основанного на интриге сюжета в варианте Радлова показывает пересечение народных традиций в татарском эпосе с древней письменной культурой [Повесть Петеисе III, 1978, с. 42; Темкин, 1982, с. 104, 124, 136 и др.].

Наличие в варианте Радлова эпизодов, связанных с условиями городской жизни феодального Средневековья, приближают это произведение к литературному источнику. В дастане повествуется, что и Ал-хан и Кюль-хан живут в городских условиях, после смерти Ал-хана Кюль-хан переезжает в другой город. Далее говорится о том, как Тахир и Зухра вместе обучаются. Здесь герой, узнав о помолвке девушке, вскакивает на коня и выходит в путь за пределы города. А в «Кузы Курпяч...» говорится о кочевом образе жизни ханов. В тексте, записанном В. Радловым, все герои «Тахира и Зухры», как и в других вариантах дастана, живут по канонам ислама, соблюдая религиозные обычаи, что ярко отражается в повествовании, тогда как в «Кузы Курпяч...» мусульманская идеология носит лишь поверхностный характер. Все это свидетельствует об отношении последнего к более раннему тюркскому эпосу. Следовательно, несмотря на сохранение традиционного народного дастанного духа, вариант Радлова испытал изменения книжного характера.

В стихотворной части тюркских дастанов одно из важнейших мест составляют эпизоды причитания. Мы заметили, что такие эпические изображения, определяющие особенности устного исполнения произведения, были очень популярны в тюркском эпосе – ногайском, крымско-татарском, казахском и др. В варианте «Тахир и Зухра» Радлова, когда Тахир уходит в поисках своей невесты, его мать, предчувствуя надвигающуюся беду, причитает:

*Баламны инде күрмәем,
Баламны куып барып китәем,
Өйгә алып кайтараем!
Өер бияне алып килең!*

Своего дитя я уже не увижу,
Поеду я за ним вдогонку,
Верну я его домой!
Приведи табунного коня! (перевод наш. – Л. М.)
[Тайыр менэн Сәүрә, 1872, с. 276].

Сев верхом на коня, «выехав из своего города», мать догоняет сына и уговаривает вернуться обратно. Диалог матери и сына сводится к повторению ответов друг друга в вариациях. Такие повторы, специально произносимые выражения напоминают древние эпические клише тюркских героических дастанов:

*Кайт, балам, кайт, балам!
Бу юлдан син кайтмасаң,
Мин сине тагы күрмәсәм,
Бу өемдә тормаен!
Кыйгудан ыккан кырык бүре,
Аннан ницек ыгарсын?
Айгайдан ыккан алтмыш бүре,
Аннан ницек ыгарсын?
Цыцкан үтмәс цытырман,
Цытырманнан ницек ыгарсын?
Агынып йитмәс ала тау,
Аннан ницек ыгарсын?
Кылып яткан тиңесне
Аннан ницек ыгарсын?*

Вернись, дитя мое, вернись!
Если ты не вернешься по этой дороге,
Если я тебя больше не увижу,
В моем доме не живи!
Если со стороны реки навстречу выйдут сорок волков,
Что будешь делать?
Если из зарослей выйдут шестьдесят волков,
Что будешь делать?
Как пройдешь через дремучие заросли,
Через которые не может пройти даже мышь?
Через недосыгаемую высокую гору
Как пройдешь?
Через широкое море
Как пройдешь? (перевод наш. – Л. М.)
[Тайыр менэн Сәүрә, 1872, с. 277].

Тахир в ответе матери повторяет все перечисленные матерью препятствия в той же последовательности, и такими же стихотворными строками говорит о том, как он их будет преодолевать; в духе героя тюркского эпоса обещает, что сдержит свое слово.

Этот эпизод напоминает разговор Кузы с матерью в дастане «Кузы-Курпяч...». И здесь герой, узнав от матери, где его жена, взяв боевое оружие отца, попросив мать приготовить в дорогу еду,

оседлав своего коня, собирается на поиски жены. В этот момент между матерью и Кузы происходит стихотворный диалог, в котором мать рассказывает ему о своем сне:

<i>Бугендә яман төш күрдем, балам,</i>	Видела сегодня плохой сон, дитя мое,
<i>Уйның утыз бүресе, балам,</i>	Играешь ты с тридцатью волками, дитя мое,
<i>Аннан кайдан ыгарсын, балам?</i>	Как ты выберешься оттуда, дитя мое?
<i>Кырның кырык бүресе, балам,</i>	Сорок волков долины, дитя мое,
<i>Аннан кайдан ыгарсын, балам?</i>	Как ты выберешься оттуда, дитя мое?

(перевод наш. – Л. М.) [Кузы-Көрпәц, 1872, с. 11].

Кузы тоже в ответе матери повторяет все перечисленные ею препятствия в той же последовательности, и такими же стихотворными строками говорит о том, как он их будет преодолевать.

Обращает внимание то, что в варианте Радлова слово *кырык* ‘сорок’ повторяется в нескольких местах: сорок волков, сорок девушек, сорок фей, ключи от сорока кладов падишаха и др. Известно, что сорок – эпическое число, оно часто встречается в тюркском эпосе.

Упомянутые выше специальные выражения, повторы, основанные на аллитерации стихотворные диалоги, уход героя на поиски своей помолвленной невесты, плачи-причитания матери не делать этого, описание преодоления Тахиром всех препятствий на пути поиска девушки – это приемы, характерные для дастанов, исполняемых чичанами-импровизаторами перед народом. В варианте Радлова традиция чичанов довольно хорошо сохранилась. Лучшая сохранность техники устного исполнения объясняется тем, что этот вариант «Тахира и Зухры» был записан у сибирских татар, а для творчества казанских татар, т. е. татар, относящихся к поволжско-приуральской субэтнической группе, в первую очередь характерны книжные дастаны – книжная разновидность эпоса, где признаки живого исполнения эпоса стерлись.

Варианты дастанов, записанные у сибирских татар, как правило, приближены к традиционным дастанам устной формы казахов, ногайцев, крымских татар, туркмен и других народов. Это связано с рядом факторов: сибирские татары длительно существовали в условиях кочевой или полукочевой жизни, их приход к исламу и городской жизни произошел позже, чем у поволжских татар, они долго соседствовали с народами, у которых доминировало творчество чичан-импровизаторов, и др.

Резюмируя, можно сказать, что вариант Радлова по своему сюжету, идеям опирается на традиции татарского и тюркского эпоса. На произведение оказал сильное влияние дастан «Кузы-Курпяч и Баян-сылу», широко распространенный в XIII–XV вв. в творчестве тюркских народов, отразивший кочевую жизнь и архаичные бытовые условия. Вариант Радлова отличается от других вариантов татарского народа на этот же сюжет своей близостью к фольклорным эпическим традициям. В то же время дастан не лишен влияния полулитературных, полуфольклорных текстов произведений Саяди и Курмаши. Это факт, свидетельствующий о книжных изменениях в эпическом творчестве последней эпохи сибирских татар. Следует отметить два источника варианта В. Радлова – это, несомненно, традиции устно бытовавших дастанов, а также литературно-письменные эпические традиции татар Поволжья. Общность основного сюжета, интерпретации мотивов, сходство поступков героев ставит этот вариант в один типологический ряд с другими татарскими дастанами о Тахире и Зухре.

Тексты, посвященные сюжету о Тахире и Зухре, в татарском эпосе на этом не исчерпываются. Хранящиеся в народе рукописи, варианты, которые обнаруживаются и сегодня, по своему объему и стихотворной обработке уступают вариантам Саяди, Курмаши и Радлова, но по самостоятельности сюжета, древности традиций и по популярности в народе они являются довольно значимым источником. Есть варианты, записанные со слов информантов. Относящиеся к более позднему периоду эти источники принадлежат поволжским татарам, и больше напоминают сказку, чем дастан. Большинство из них обрабатывается литературоведами-текстологами и появляется в печати. Например, три рукописи, переписанные в 1776–1801 гг. в деревне Нижняя Береске ныне Атнинского района Татарстана шакирдами медресе Ибрагима меллы, другие многочисленные рукописи, найденные в деревнях Новый Менгер (Арский район Республики Татарстан), Ишнарлат (Арский район Республики Татарстан), Куакбаш (Лениногорский район Республики Татарстан), Хасаншаих (Азнакаевский район Республики Татарстан), каждая из которых является самостоятельным памятником, хранятся в фондах Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. Рукописи относятся к концу XVIII в., их объем составляет от одного до шести-семи листов, большинство из них найдены М. Ахметзяновым, им же текстологически обработаны, введены в научный оборот [Әхмәтҗанов, 2000, с. 169–178]. Наличие этих рукописей говорит не только о том,

насколько у татар был популярен данный сюжет, но и показывает, что с XVIII в. произведение фольклора стало окончательно выполнять функцию текста литературного произведения. Существование в народе дастана «Тахир и Зухра» является свидетельством того, что мотивы, идущие от фольклора, нашли успешное отражение в письменности, распространяясь в рукописях, они превратились в источник удовлетворения потребности народа в образовании.

В то же время есть и памятники устного характера, записанные у татар Омской области, Пермского края, Тюменской области, Тетюшского района Татарстана, Республики Мордовия. Это краткие фрагменты дастана, в большинстве случаев – слова-песни Тахира из того или иного письменного варианта дастана. Песенные фрагменты, как правило, произносились напевно, они совпадают со стихотворными монологами известных вариантов дастана или являются отрывками из этих монологов. В некоторых случаях информант коротко пересказывает то, что прочитал из записи, устно произносит несколько стихов из дастана. Например, есть сведения о том, что были записаны короткие песенные фрагменты дастана «Тахир и Зухра»: в 1957 г. – И. Надировым в Темниковском районе Мордовии от Фатымы Акбулатовой, в 1972 г. – Р. Ягфаровым в Бардинском районе Пермского края от Талгии Буранголовой, в 1980 г. – Ф. Ахметовой в Тобольском районе Тюменской области от Сербер Бахтиевой, в 1979 г. – З. Сайдашевой в Тетюшском районе Татарстана от Рахимы Андаевой [Татар халык ижаты, 1984, с. 371–372]. Краткое содержание и несколько стихов из дастана записали: в 1978 г. – Р. Ягфаров от Сабиры Гайнетдиновой из Челябинской области, в 1980 г. – Ф. Ахметова от Мухамметши Каримова (1911 г.р.), проживающего в Москве. Следовательно, несмотря на то, что самые совершенные варианты были зафиксированы письменно, до конца XX в. у татарского народа частично сохранялось и устное исполнение «Тахира и Зухры». Это значит, что относительно этого сюжета у татар не до конца утрачены фольклорные традиции. Наличие таких фрагментов ценно как явление, обеспечивающее обратную связь сюжета «Тахира и Зухры» с фольклором. Татарскую версию «Тахира и Зухры» делает неповторимым то, что наряду с наличием многочисленных фольклорных мотивов в письменных вариантах дастана, в некоторых случаях еще не совсем забыты традиции устного исполнения дастана.

На основе проведенных выше исследований татарских вариантов «Тахира и Зухры» мы можем сделать следующий вывод. Говоря о жанре дастана, следует помнить об устной и книжной форме его существования в народе. Это доказывает существование различных вариантов дастана на сюжет о Тахире и Зухре. В вариантах дастана «Тахир и Зухра», распространенных в Поволжье, доминирует книжная традиция, а у сибирских татар чаще встречается эпос устного характера. Выясняется, что в случае сохранения у поволжских татар в устной форме, данный сюжет переходит границы дастанного эпоса и превращается в сказку, или произведение встречается только во фрагментарном виде. Под влиянием возникших исторических предпосылок наряду с другими эпическими произведениями многочисленные варианты дастана «Тахир и Зухра» у татар были приняты как образец литературного произведения.

Список литературы

- Әхмәтҗанов М. Татар кулъязма китабы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 270 б.
- Кузы-Көрпәц // Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1872. Ч. IV: Наречие барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар. С. 9–20.
- Кузьмина Е.Н. Сибирский героический эпос: общее и особенное // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Науч.-исследовательского ин-та алтаистики им. С.С. Суразакова. В 2-х частях / Отв. ред. Н.М. Екеева. Горно-Алтайск, 2012. Ч. 2. С. 112–116.
- Ойроткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / Отв. ред. О.Н. Лагута. Новосибирск, 2012. 354 с.
- Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. М.: Худ. лит., 1978. 304 с.
- Сайади. Тахир – Зөһрә (Бабахан дастаны) / Текстологик эшкәртүче Ф. Яхин. Казан: Раннур, 1998. 192 б.

Тайыр менән Сәурә // Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1872. Ч. IV: Наречие барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар. С. 274–286.

Татар халык ижаты. Дастаннар. Төзүче, кереш сүз һәм искәрмәләр язучы Ф.В. Әхмәтова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984, 384 б.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М., 1982. 272 с.

L. Kh. Mukhametzanova

The Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation; lilmuhat@mail.ru

Interaction of oral and book traditions in the epic of the Siberian Tatars

Based on the material of the Tatar dastan on the plot about Takhir and Zukhra (in Tatar language) the author analyzes the processes of genre inertia and transformation, examines the influence of the Turkic epos and written culture on the formation and development of the epic of the Siberian Tatars. The subject of the study are the variants of dastan on the plot «Takhir and Zukhra» in Tatar language, as the background for the study were also used epics on other subjects.

In the article, special attention is paid to the text published by V. Radlov in 1872 in St. Petersburg. This text was written down by scientists from Siberian Tatars. Dastan has a large volume, it is narrated in the dialect of Siberian Tatars. The eastern dialect of the Tatar language is reflected in the title of the work: «Tayyr and Saura». The composition of the plot, the presentation of the images-characters, the sequence of events, the volume, etc. of Radlov's version do not repeat other Tatar variants and versions of other peoples.

The author notes two sources of the Siberian-Tatar variant of «Takhir and Zukhra» - this is undoubtedly the tradition of an oral epic, as well as literary and written epic traditions of Tatars of the Volga region. An intermediate position of the dastan about Takhir and Zukhra between folklore and literature is revealed. The plot of dastan is mostly folk-traditional. A peculiar independent plot, the presence of folklore motifs, repetitions, the use of elements of lamentations in the text are traces of the technique of oral execution. Its plot and motives are based on the traditions of the Tatar and Turkic epos. The work was heavily influenced by the dastan «Kuzy Kurpjach and Bayansylu», widespread in the 13th and 15th centuries, reflecting the nomadic life and archaic living conditions of the Turks. The version of Radlov is not without influence of the works of Sayad and Kurmash. This fact indicates a transformation in the epic creativity of the late era of the Siberian Tatars.

In conclusion, it is found that the dastan variant recorded by Radlov from the Siberian Tatars should be included in one typological series with other Tatar dastans about Takhir and Zukhra. In its style, motives, typology, spirit, the Siberian epic is true to the principles of folklore based on ethnic traditions but at the same time is intertwined with individual written work.

Keywords: traditional epics, book variety, epos, people, Siberian Tatars, version, plot.

References

Ahmetganov M. *Tatar kuljazma kitaby [Tatar manuscript book]*. Kazan, 2000, 270 p.

Kuzi-Kurpәс [Kuzi-Kurpech] In: Radlov V.V. *Obrazcy narodnoj literatury tjurkskih plemen, zhivushhih v Juzhnoj Sibiri i Dzungarskoj stepi [Samples of folk literature of Turkic tribes living in southern Siberia and Dzungarskoy steppe]*. pt. IV: *Narechie barabinskih, tarskih, tobol'skih i tjumenskih tatar [Adverb Baraba, Tara, Tobolsk and Tyumen Tatars]*. St. Petersburg, 1872, pp. 9–20.

Kuz'mina E.N. *Sibirskij geroicheskij jepos: obshhee i osobennoe [Siberian heroic epic: general and special]. Osnovnye tendencii razvitiya altaistiki v izmenjajushhihsja mirovozzrencheskih uslovijah: materialy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. [Main trends in the development of Altaism in changing worldview conditions. Materials of the International Scientific and Practical Conference]*. In 2 pt. Gorno-Altaysk, 2012, pt 2, pp. 112–116.

Ojnotkinova N.R. *Altajskie poslovicy i pogovorki: pojetika i pragmatika zhanrov [Altaic proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]*. Ed. O.N. Laguta. Novosibirsk, 2012, 354 p.

Povest' Peteise III. Drevneegipetskaja proza [Tale Peteise III. The ancient Egyptian prose]. Moscow, 1978, 304 p.

Темкин Е.Н., Эрман В.Г. *Мифы Древней Индии [Myths of Ancient India]*. Moscow, 1982, 272 p.

Sajadi. *Tahir – Zohrә (Babahan dastany) [Sayadi. Tahir and Zuhra (Dastan Babakhan)]*. Ed. F. Yahin. Kazan, 1998, 192 p.

Tajyr menән Sәurә [Tahir and Zuhra]. In: Radlov V.V. *Obrazcy narodnoj literatury tjurkskih plemen, zhivushhih v Juzhnoj Sibiri i Dzungarskoj stepi [Samples of folk literature of Turkic tribes living in southern Siberia and Dzungarskoy steppe]*. pt. IV: *Narechie barabinskih, tarskih, tobol'skih i tjumenskih tatar [Adverb Baraba, Tara, Tobolsk and Tyumen Tatars]*. St. Petersburg, 1872, pp. 274–286.

Tatar halyk iжаты. Dastannar [Tatar folk art. Dastans]. Ed. F.V. Akhmetov. Kazan, 1984, 384 p.